

Сарраж Наталия Андреевна

Астраханский государственный университет,
Россия, 414056, Астрахань, ул. Татищева, 20а
philolognata@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЗЫ Ф. Н. ГОРЕНШТЕЙНА 1960–1970-Х ГОДОВ

Статья посвящена рассмотрению наиболее важных для постижения авторской концепции вопросов соотношения социальных аспектов и проблем религии/веры в прозаических произведениях Ф. Н. Горенштейна 1960–1970-х гг. В основных текстах писателя обнаруживается своеобразное сопряжение иудаистской и христианской традиций. Апеллируя к библейскому канону, Ф. Н. Горенштейн побуждает читателя по-новому интерпретировать универсальные религиозные установки в социально-нравственном контексте. Рассмотрение этого приема позволяет выявить существенные особенности индивидуальной картины мира писателя. Библиогр. 12 назв.

Ключевые слова: Ветхий Завет, Новый Завет, иудейство, христианство, «еврейство», религиозность, нравственность, культура.

Sarrazh Nataliya A.

Astrakhan State University,
20a, Tatishcheva street, Astrakhan, 414056, Russia
philolognata@yandex.ru

SOCIO-PSYCHOLOGICAL AND RELIGIOUS ASPECTS IN PROSE BY F. N. GORENSTEIN 1960–1970-ies

The article considers the most important for understanding the author's conception of the relation of issues of social aspects and problems of religion / faith in the prose by F. N. Gorenstein 1960-1970-ies. The basic texts of the writer found a peculiar pair Judaic and Christian traditions. Appealing to the biblical canon, F. N. Gorenstein encourages the reader to reinterpret universal religious attitudes in the social and moral context. Consideration of this technique reveals the essential features of the individual picture of the world of the writer. Refs 12.

Keywords: Old Testament, New Testament, Judaism, Christianity, Jewry, Religiousness, Morality, Culture.

Что касается культуры,
то я принадлежу к иудо-христианской
культуре, к библейской культуре, включая
евангельскую. Да, такой религии нет,
но есть такая культура.

Ф. Н. Горенштейн

В 1960–1970-х гг. Ф. Н. Горенштейн входит в русскую литературу и пересматривает подход к фундаментальным религиозно-мифологическим системам, что свидетельствует о его личном духовном поиске и особой картине мира, он «видит жизненную значительность в ничтожных, казалось бы, деталях, наряду с событиями исторического масштаба» [Эткинд, с. 7]. В его произведениях отражается нравственно трагический путь человечества, ужасы глобального и локального масштаба, затрагивается проблема утраты людьми сакральных знаний. Ф. Н. Горенштейн

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

пытается обобщить культурную традицию иудейского и христианского учений, акцентирует внимание на социальных проблемах и нравственных ценностях общества через обращение к философско-религиозным темам. В его произведениях ветхо- и новозаветные сюжеты синтезируются с советской действительностью, создается двуплановость повествования, которая позволяет рассматривать историю России сквозь призму Библии. Для постижения авторской концепции особое внимание следует уделить художественному преломлению в произведениях религиозно-философской проблематики, изучить личный опыт Ф. Н. Горенштейна: вопросы веры, религиозности, еврейства.

На идейно-тематическом уровне намечается «диалог культур», в котором задействованы сложные и противоречивые типы литературных героев, образ автора и фигура самого писателя.

В прозе «отечественного периода» («Дом с башенкой», «Ступени», «Искупление» и особенно «Псалом»), а также в драме «Споры о Достоевском» религиозная концепция Ф. Н. Горенштейна репрезентируется с помощью библейских нарративов (преимущественно ветхозаветных). Затрагивая «больную тему» противостояния антисемитизму, автор говорит о моральной близости иудаизма и христианства (в авторском понимании Ветхий Завет дополняется учением Христа, указывающего на важность соблюдения библейских заповедей). Подтверждение этой мысли можно обнаружить в словах Г. В. Никифоровича: «...для российского писателя Фридриха Горенштейна еврейская Библия была, если угодно, основным рабочим инструментом. Он пытался уяснить, что же именно следует извлечь людям из строк Библии — не в религиозном, а в нравственном отношении» [Никифорович 2012].

В произведениях 1960–1970-х гг. ключевым философским вопросом для автора становится решение проблемы со- и противопоставления христианской и иудейской форм религии. М. И. Муравник пишет, что над всем творчеством Ф. Н. Горенштейна веет дух Библии, «здесь слышны голоса ее пророков и звуки псалмов и молитв» [Муравник, с. 411]. Л. А. Аннинский рассуждает об иудаизме в авторском понимании как точке отсчета и об абсолютном, незримом Боге, в которого верит писатель и через веру в которого «предлагает читателю притчи: проверенный тысячелетиями иносказательный жанр» [Аннинский, с. 63]. Г. В. Никифорович пишет о вдохновенности Ф. Н. Горенштейна Библией. Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий в работе «Жизнь после смерти, или Новые сведения о постреализме» выделяют роман «Псалом» Ф. Н. Горенштейна вместе с несколькими произведениями других авторов, называя его *универсалистским*: «В сущности, все это современные варианты Священного Писания — запрограммированного, как известно, на прозрение в потоке бытия Высшего Замысла — настолько глобального, что человек его в принципе рационально постичь не может» [Лейдерман, Липовецкий, с. 240].

Создавая подчиненные логике библейских мифов тексты, Ф. Н. Горенштейн настойчиво указывает на взаимосвязь двух религий. Еврей по происхождению, он не называет себя иудеем. Более того, писатель говорит о том, что согласно канонам той или иной религиозной конфессии его следует считать неверующим. Для него причисление к одной из религий означает ограничение в понимании Божьего дела, суть которого — спасение человечества от вселенского Хаоса. «Именно в нравственном, а не в религиозном смысле и относил себя к “иудо-христианской культуре” — не религии — писатель Фридрих Горенштейн» [Никифорович 2013,

с. 115]. Автор утверждает, что Ветхий Завет выказывает понимание вопросов веры (не религии), но вместе с тем писателю близка идея безграничной любви Иисуса. Он признается, что не может полностью отречься от новозаветного учения, так как оно является неотъемлемой частью его ментальности. На наш взгляд, самое большое горенштейновское нарекание в адрес христианства — искажение «великими инквизиторами» священного учения, провозгласившими величие человека, а не Бога. По мысли Ф. Н. Горенштейна, искаженное понимание гуманизма — это основная ошибка последователей христианства, потому что веру можно обрести только в душе, а не в церкви.

В имеющем автобиографическую основу рассказе «Дом с башенкой» (1963), единственном опубликованном в СССР, автор изображает мальчика и его больную мать. Из поезда их высаживают в небольшом городке, женщину отправляют в больницу, где впоследствии она умирает. Повзрослевшему ребенку приходится продолжать путь одному. В его памяти ярко запечатлевается образ дома с башенкой, увиденного на привокзальной площади. Как правило, у читателей складывается впечатление, что они едут в эвакуацию, но Г. В. Никифорович в монографии «Открытие Горенштейна» утверждает, что эшелон движется не на восток, а обратно. Доказательством этого суждения служит неприязнь между «дядей в кожаном пальто» и инвалидом, а также непримечательная фраза: «Нравы, — сказал старик в пенсне и криво усмехнулся, клочок бородки пополз влево, — нравы третьего года войны...» [Горенштейн, 1992, с. 16]. «Маленький» во всех смыслах герой за три дня по-новому начинает видеть как людей, так и дом с башенкой, который не имеет почти никакого отношения к происходящим событиям, но привлекает внимание мальчика как ориентир на местности. Постепенно главный персонаж начинает улавливать мелкие детали в образах людей. Если в начале произведения Ф. Н. Горенштейн пишет: «Это далеко, — сказала шинель, мальчик увидел халат» [Там же, с. 7], то ближе к финалу встречаются иные описания: «Лицо военного было в темно-зеленых пятнышках, а на глазах черные очки» [Там же, с. 20], изменяется и характер изображения строения. Сначала это «...старый, одноэтажный...» дом, затем видно, что он низенький, а уезжая, мальчик обращает внимание на винтовую лестницу. Вместе с обретением «иного зрения» происходит взросление героя, который еще мало что понимает, но начинает различать. Венгерская исследовательница Ж. Хетенъи обнаруживает в названии рассказа стилистический контраст: «...образ этого дома — эмблема мирного, а не военного времени, и выступает аллегорией спокойного, чуть романтического ушедшего прошлого. Слово “дом” подчеркивает бездомность и сиротство мальчика, а слово “башенка” с уменьшительным суффиксом, единственное “детское” слово в рассказе, показывает, насколько окружающий мир несказочен, непригоден для ребенка» [Хетенъи, эл. ресурс].

В этом произведении еще нет ярко выраженной религиозной концепции, прослеживаемой в более поздней прозе. Возьмем на себя смелость предположить, что дом с башенкой может быть аллюзией, пусть и слаборазличимой, на Вавилонскую башню. В иудейско-христианской традиции Вавилон символизирует разврат, гордыню, человеческое неповиновение и последующее наказание за эти грехи. В Откровениях святого Иоанна Богослова говорится: «И город великий распался на три части, и города языческие пали, и Вавилон великий воспомянут пред Богом, чтобы дать ему чашу вина ярости гнева Его» (Откр. 16:19), «И на челе ее написано

имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным» (Откр. 17:5). Возможно, по мнению Ф. Н. Горенштейна, люди возгордились, а вследствие войн стали разобщенными — по политическим, социальным, национальным соображениям, — приближая кару Господнюю. И уже в этом рассказе дает о себе знать мотив искупления. Позже символ Вавилонской башни будет ярко представлен в романе «Псалом» о четырех казнях Господних. Исследователь Э. Г. Васильева в работе «Мессия — Пророк — Антихрист (“Псалом” Ф. Горенштейна)» пишет, что в данном произведении сталкиваются идеи избранничества России (православная вера) и еврейского народа (иудаизм), приводит цитату из текста: «Уже более четырех веков строится в России Вавилонская башня. Библия предупреждает: возьмет башня всю силу, весь талант, всю страсть, но достроена не будет, и прахом станет сила и талант, как это случилось в Вавилоне» [Горенштейн, 2012, с. 412]. По ее мнению, Россия служит фоном пяти притч, в пространстве художественного текста развал государства соотносится с символическим строительством Вавилонской башни. Здесь библейский народ возводит «Храм»: «Строительство Храма обращено в будущее, именно с ним связан истинный мессианский промысел. Идея мессианства сопряжена с концепцией будущего. Прошлое и будущее вступают в своеобразный диалог — спор друг с другом. В точке пересечения прошлого и будущего рождается настоящее. На протяжении всего романа сохраняется ощущение настоящести происходящего» [Васильева]. Ф. Н. Горенштейн сознательно подвергает своих героев угрозе гибели, чтобы «выявить истинность мессианских идей» [Там же].

В 1965 г. написана повесть «Зима 53-го года». Г. В. Никифорович заявляет о том, что в ней впервые появляется «мотив Библии как основы мироощущения» [Никифорович 2013, с. 40], который впоследствии будет характерен для творчества писателя. В этом произведении показываются трудовые будни шахтеров. Главный герой, Ким, является типичным «маленьким» человеком. Отчисленный из института за нестандартные высказывания на экзамене, он становится простым рабочим и с трудом выполняет свои обязанности. Ф. Н. Горенштейн в натуралистических подробностях изображает героя в шахте. Ощущаются каждое движение, изнуряющее персонажа, боль во всем теле. Ким постоянно борется за жизнь, даже за лишний глоток кислорода. Физическое и духовное угнетение вызывают у него чувство безысходности. Такое произведение не могло быть пропущено цензурой, ведь оно содержит очевидную аллгорию сталинизма, да еще с отсылкой к религиозно-философскому подтексту. Г. В. Никифорович пишет: «Черное подземелье, едва освещенное слабым пламенем карбидной лампы и постоянно грозящее бедой, вызывает ассоциацию с другим подземельем — крошечными глубинами ада. Но ад — это антитеза Эдемского сада, из которого Адам был изгнан с напутствием: “...в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься”. В таком понимании труда нет места для чести, славы, доблести и геройства. Писатель Горенштейн увидел труд не с официальной, оптимистической точки зрения, а с трагической — библейской» [Там же, с. 40]. Неизвестно, является ли Ким евреем, но, как истинный ветхозаветный страдалец, он наделен добротой, справедливостью, совестью и т. п. Герой становится жертвой власти в бытовом плане, а на символическом уровне — жертвой, принесенной Господу, чтобы искупить грехи других людей. Заслуживает внимания тот факт, что гибель Кима происходит одновременно со смертью И. В. Сталина. Жертвуя

собой, юноша символически избавляет страну, законы которой погубили его, от величайшего тирана. Согласно авторской концепции, людям необходимо вернуться к первооснове человеческого существования, возродить желание причастности Богу, признать Его всемогущество, а не соревноваться с Ним. Зная и соблюдая простые законы, люди смогут преодолеть зло, творящееся на земле. Тема искупления пройдет красной нитью практически через все творчество писателя. Ж. Хетенъи в работе «Мотивы маргинальности в произведениях Ф. Горенштейна» проследила цепочку христианских тем в повести «Зима 53-го года»: «жертвенная смерть, возрождение, вознесение, и т. п.» [Хетенъи, эл. ресурс], связывая время смерти Кима и извлечение его тела на поверхность в марте с периодом Святой Пасхи, что может дать богатый материал для исследования в контексте религиозно-философских исканий прозаика.

В 1966 г. Ф. Н. Горенштейн пишет повесть «Ступени», в которой религиозно-философские размышления доминируют. Главный персонаж, Юрий Дмитриевич, человек науки, постепенно сходит с ума и все усерднее пытается найти истину человеческого существования в христианском учении. Он работает над диссертацией об Иисусе Христе, толкует библейское сказание как медицинскую историю болезни с поставленным психиатрическим диагнозом «самозванцу». Это очень смелая трансформация традиционного понимания образа сына Божьего.

Название повести символизирует преодоление греха и порока. «Человек должен изжить себя, по ступеням приближаясь к чему-то высшему, тому, что ты называешь Богом, а я отказываюсь как-либо конкретно именовать, ибо не в наименовании суть...» [Горенштейн, 2012, с. 46]. Повествование строится ступенчатым образом. Каждая глава обозначает новый период в жизни Юрия Дмитриевича, в котором он открывает для себя какую-либо религиозно-философскую истину, например описание стадий болезни Иисуса или абстрактное размышление о христианском учении: «Сначала учению нужны титаны, потом оно нуждается в посредственностях, которые довели бы его до абсурда, то есть до единственной смерти, ибо учения смертны и сменяют друг друга, как человеческие поколения...» [Там же, с. 65]. Писатель не дает однозначной оценки (не)правильности поступков главного героя, оставляя возможность самостоятельного выбора движения для каждого вверх или вниз по «ступеням жизни».

Герой дифференцирует понятия: Иисус как пасынок простого иудея Иосифа — Христос как «великий литературный образ древнееврейской литературы, литературы, которая может возникнуть лишь в моменты сильных душевных сдвигов...» [Там же, с. 67]. Анализируя повесть, мы обнаруживаем концептуальные оппозиции:

Иисус — реальность / Христос — мечта;
Иисус — действие / Христос — идея,
общепринятая жертва в распятии / жертва в воскресении.

Отсюда следуют противопоставления:

плоть / «бесплотье»;
вечное добро / каждодневное добро;
религия / вера;
вера / культура

и др.

Проблема выбора актуальна для любого человека, и в жизни Ф. Н. Горенштейна таких ситуаций было много. Его происхождение не вязалось с обозначением «русский писатель, придерживающийся христианских (евангельских) догм». Он также сознательно включает в творчество опыт ветхозаветных традиций, поэтому называет себя «еврейский еврей», совмещает учения Христа и Ветхого Завета, организует сложный диалог двух культур. Со всей очевидностью это проявляется в произведениях зрелого и позднего периодов творчества писателя. Например, в «Притче о богатом юноше» (1988) обнаруживается весьма важный для понимания авторской мысли отрывок о соотношении двух религий: «Какая кроткая злоба, — подумал Федор. — Злоба не новость в этом мире, но кроткая злоба, сердечное лицемерие — это уж чисто христианское явление. Открытая злоба, подобно пожару, тратится и исчезает, а кроткая злоба копится годами, десятилетиями, веками. Может быть, поэтому катаклизмы христианского общества особенно сильны. Накопившаяся кроткая злоба, подобно лаве, истекает наружу. А социальная основа этой кроткой злобы — христианский культ бедности. Не помощь бедным, существующая и в иудаизме, и в мусульманстве, а восхваление и возвеличивание бедности» [Там же, с. 577–578]. Ф. Н. Горенштейн прямолинейно и безжалостно критикует христианство.

Продолжая речь о повести «Ступени», стоит отметить, что писатель не раз затрагивает тему «непротивления злу насилием» и дает понять, что это евангельское представление неприемлемо для него, потому что невозможно искренне полюбить своего врага, а остается лишь подставить щеку, когда он сильнее. «В понимании Горенштейна непротивление злу — тактический маневр, способ остаться в живых, сохранив самое главное оружие — душу. А быть живым — превыше всего...» [Никифорович 2013, с. 633]. Ф. Н. Горенштейн считает, что данная идея метафизически красива, но невозможна, потому что на практике действует ветхозаветный закон «око за око». Эта мысль подтверждается строками: «Непротивление злу как идеал — прекрасно... Как каждодневное правило — нелепо...» [Там же, с. 70]. Другой аргумент в пользу Ветхого Завета — наказание за содеянное зло; в христианстве покаяние может избавить от возмездия, с чем автор принципиально не согласен, так как любое зло должно быть наказано и искуплено. Эта мысль отражается и в более позднем произведении «Притча о богатом юноше»: «Верующий иудей, совершая зло, знает, что он идет против Бога. Верующий христианин, совершая зло, сохраняет гармонию души, сохраняет через церковное покаяние свои отношения с Богом, ибо непротивление злу давно подменили покаянием в содеянном зле. И так жили и живут многие, наподобие христианской семьи Федора. Повсюду, куда ни глянь, видел Федор своих отцов и матерей. Святыми они быть не могли, а честными быть не хотели» [Там же, с. 577]. Напротив, идея новозаветной безграничной любви и доброты Ф. Н. Горенштейну искренне нравится. В результате он старается ассимилировать в своих произведениях обе культурные традиции, соединяя их с философией, историей, личным мировосприятием и указывая не на религиозное, а на нравственное участие Библии. Не случайно повесть заканчивается упоминанием притчи о блудном сыне. Ветхозаветный нарратив вплетается в повествование о современной действительности (история главного героя), не теряя своей актуальности.

Далее Ф. Н. Горенштейн создает роман «Искупление» (1967) (по мнению некоторых исследователей, это произведение стоит относить к жанру повести). Мифо-

логическая подоплека действия переплетается с еще одной темой — «еврейским вопросом». Это связано с противопоставлением христианской и иудаистской традиций. Многие критики сходятся во мнении, что произведение подчинено логике мифа. В нем репрезентируются всеобъемлющий хаос, первородный грех, творение истории, подчеркивается избранность еврейского народа через изображение зачатия ребенка русской Сашенькой от еврея Августа, ведется речь об искупительной жертве (через образ Иова и современные события), о любви между Христом и Иудой и т. д. Ф. Н. Горенштейн актуализирует библейские заповеди и сюжеты, о которых забывают люди, призывает не отречься от веры предков, ибо отделенное христианское учение не способно репрезентировать цельное представление о таком высшем метафизическом понятии, как Бог. Для автора старозаветное учение является авторитетным, но и от Нового Завета он не может отречься, что создает в культурном пространстве его произведений сложный диалог двух традиций [Гайнутдинова, с. 34]¹.

Роман 1975 г. «Псалом» является законченным вариантом художественного воплощения социально-психологических и религиозно-философских авторских принципов. В одном из интервью Ф. Н. Горенштейн сказал, что в литературе, как и в жизни, происходит постоянная борьба. В данном произведении эта борьба имеет масштабный характер; на бытийном и бытовом уровнях отображается сосуществование двух религиозных систем и выделяется множество бинарных оппозиций: свет — тьма, жизнь — смерть, праведник — грешник, Христос — Антихрист и т. д. Писатель создает произведение в традиции профетизма. Это своеобразная современная интерпретация изречений библейских пророков. Ф. Н. Горенштейн берет на себя смелость обличать понятие новозаветного гуманизма, пишет о детской жестокости, о христианстве как антибиблейской религии, о Евангелии от Иоанна как греческой приписке к Библии, об Антихристе как посланце Бога и брате Христа.

Важным становится образ-символ разбитой чаши, имеющий несколько значений, одно из которых — выражение отношения христианства к иудаизму (в авторской интерпретации новозаветное учение — это «осколки» ценностей Первоначала — Ветхого Завета в религиозном, культурном, философском и общественно-историческом плане).

В «Псалме» история ветхозаветных времен и современных событий создает единую темпоральную систему, стираются границы между прошлым и настоящим. Диалог автора с библейской традицией задает многоплановость произведения. Это предоставляет возможность писателю выявить глобальные причинно-следственные связи в рассуждениях о нынешнем состоянии мира. Именно вплетение древних пророчеств в современные события позволяет показать цикличность происходящего, повторение всех известных трагедий и их исход. Ф. Н. Горенштейн призывает вспомнить все это, чтобы встать на путь истинный.

«Псалом» (1975) является наиболее ярким примером. Созданию романа «Псалом» предшествовало больше десяти лет творческих исканий, можно проследить эволюцию концепции писателя, постепенное нарастание метафизического начала и усложнение художественных форм. Произведение заслуживает самого пристального

---

¹ Более подробный анализ произведений «Искушение» и «Псалом» в указанном аспекте см. в нашей статье [Гайнутдинова].

ного внимания литературоведов, поскольку представляет наиболее полный вариант авторского понимания действительности.

Подводя итоги, можно сказать, что творчество Ф. Н. Горенштейна манифестирует важность единения иудейского и христианского вероучений, так как любая конфессия, взятая по отдельности, по мнению писателя, затрудняет совершенное первоосновное понимание Божественного начала. Автор предлагает оригинальную концепцию раскрытия философско-религиозных вопросов в социальном, нравственном и культурном аспектах посредством обращения к библейским мифам, трансформирует их и по-новому интерпретирует общеизвестные нарративы. Ф. Н. Горенштейн репрезентирует современного человека размышляющим над важными бытийными вопросами добра и зла, жизни и смерти, Бога и Homo sapiens. Таким образом, он обращается ко всему человечеству.

Литература

- Аннинский 1993 — Аннинский Л. Фридрих Горенштейн: миры, кумиры, химеры. *Вопросы литературы*. 1, 1993: 62–90.
- Васильева 2005 — Васильева Э. Г. Мессия — Пророк — Антихрист («Псалом» Ф. Горенштейна). *Toronto Slavic Quarterly*. 12, 2005. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/12/vasileva12.shtml> (дата обращения: 28.02.2016).
- Гайнутдинова — Гайнутдинова Н. А. «Христианско-иудейское культурное пространство прозы Ф. Горенштейна («Искушение», «Псалом»)». *Восток — Запад: диалог культур в пространстве русской словесности: сборник научных статей по итогам Шестой международной научной конференции, посвященной третьей годовщине основания Института Конфуция в ВГСПУ (Россия, Волгоград, 14–15 октября 2014 г.)*. Тропкина Н. Е. (ред.). Волгоград: Перемена, 2015. С. 33–38.
- Горенштейн 1992 — Горенштейн Ф. Н. «Дом с башенкой». Горенштейн Ф. Н. *Избранное: В 3 т.* Т. 2: Искупление. М.: Слово, 1992. С. 5–26.
- Горенштейн 2012 — Горенштейн Ф. Н. *Псалом: роман, повести*. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2012. 640 с.
- Лейдерман 2005 — Лейдерман Н. Л. *Постреализм: теоретический очерк*. Екатеринбург: Словесник, 2005. 244 с.
- Лейдерман, Липовецкий 1993 — Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Жизнь после смерти, или Новые сведения о реализме. *Новый мир*. 7, 1993: С. 233–252.
- Муравник 1986 — Муравник М. И. Когда грядет библейская черта. *Континент*. 47, 1986: 408–414.
- Никифорович 2012 — Никифорович Г. В. Фридрих Горенштейн: писатель и читатели. *Иерусалимский журнал*. 41, 2012. URL: <http://www.antho.net/jr/41/nikiforovich.html> (дата обращения: 01.11.2016).
- Никифорович 2013 — Никифорович Г. В. *Открытие Горенштейна*. М.: Время, 2013. 240 с.
- Хетеньи 2004 — Хетеньи Ж. Пасынки России. Мотивы маргинальности в произведениях Ф. Горенштейна. *Revue des études slaves*. Т. 75 (Fasc. 1), 2004: Р. 141–155. URL: http://www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_2004_num_75_1_6869 (дата обращения: 28.02.2016).
- Эткинд 1979 — Эткинд Е. Рождение мастера: о прозе Фридриха Горенштейна. *Время и мы*. 42, 1979: 5–10.
- Для цитирования:** Сарраж Н. А. Социально-психологические и религиозные аспекты прозы Ф. Н. Горенштейна 1960–1970-х годов // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 3. С. 341–349. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.304.

References

- Аннинский 1993 — Anninskii, L. Fridrikh Gorenstein: miry, kumiry, khimery [Friedrich Goernstein: worlds, idols, chimeras]. *Voprosy literatury*. 1, 1993, pp. 62–90. (In Russian)

- Васильева 2005 — Vasileva, E. G. Messia — Prorok — Antikhrist (“Psalom” F. Gorensteina) [Messiah — Prophet — Antichrist (F. Gorenstein’s “Psalm”)]. *Toronto Slavic Quarterly*. 12, 2005. Available at: <http://sites.utoronto.ca/tsq/12/vasileva12.shtml> (accessed: 28.02.2016). (In Russian)
- Гайнутдинова 2015 — Gainutdinova, N. A. “Khristiansko-iudeiskoe kul’turnoe prostranstvo prozy F. Gorensteina (“Iskuplenie”, “Psalom”). *Vostok — Zapad: dialog kul’tur v prostranstve russkoi slovesnosti: sbornik nauchnykh statei po itogam shestoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi tretei godovshchine osnovanii Instituta Konfutsiia v VGSPU [East-West: dialogue of cultures in the space of Russian literature. Proceedings of the VI international scientific conference (3d anniversary of founding VSSPU’s institute of Confucius)]. (Russia, Volgograd, 14–15 October, 2014)*. Tropkina, N. E. (ed.). Volgograd: Peremena Publ., 2015, pp. 33–38. (In Russian)
- Горенштейн 1992 — Gorenstein, F. N. “Dom s bashenkoi” [The House with the Tower]. Gorenstein, F. N. *Isbrannoe: In 3 vols. [Selected works: In 3 vols.]*. Vol. 2: Iskuplenie [Atonement]. Moscow, Slovo, 1992, pp. 5–26. (In Russian)
- Горенштейн 2012 — Gorenstein, F. N. *Psalom: roman, povesti [Psalm: novel, stories]*. St. Petersburg, Azbuka; Azbuka-Attikus, 2012. 640 p. (In Russian)
- Лейдерман 2005 — Leiderman, N. L. *Postrealizm: teoreticheskii ocherk [Postrealizm: theoretical essays]*. Ekaterinburg, Slovesnik, 2005. 244 p. (In Russian)
- Лейдерман, Липовецкий 1993 — Leiderman, N. L., Lipovetckii, M. N. Zhizn posle smerti, ili Novye svedeniia o realizme [Life after death, or new facts about realism]. *Novyi Mir*. 7, 1993, pp. 233–252. (In Russian)
- Муравник 1986 — Muravnik, M. I. Kogda griadet bibleiskaia cherta [When biblical line thunders]. *Continent*. 47, 1986, pp. 408–414. (In Russian)
- Никифорович 2012 — Nikiforovich, G. V. Fridrikh Gorenstein: pisatel i chitateli [Friedrich Gorenstein: the writer and readers]. *Ierusalimskii zhurnal — Jerusalem Literary Review*. 41, 2012. Available at: <http://www.antho.net/jr/41/nikiforovich.html> (accessed: 01.11.2016). (In Russian)
- Никифорович 2013 — Nikiforovich, G. V. *Otkrytie Gorensteina [Gorenstein’s revelation]*. Moscow, Vremya Publ., 2013. 240 p. (In Russian)
- Хетеньи 2004 — Hetenyi, Z. Pasyunki Rossii. Motivy marginalnosti v proizvedeniiakh F. Gorensteina [Stepsons of Russia. Marginal motives in F. Gorenstein’s prose]. *Revue des études slaves*. T. 75 (Fasc. 1), 2004, pp. 141–155. Available at: http://www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_2004_num_75_1_6869 (accessed: 28.02.2016). (In Russian)
- Эткинд 1979 — Etkind, E. Rozhdenie мастера: o proze Fridrikha Gorensteina [The birth of the Master: F. Gorenstein’s prose]. *Vremia i my*. 42, 1979, pp. 5–10. (In Russian)
- For citation:** Sarrazh N. A. Socio-psychological and Religious Aspects in Prose by F. N. Gorenstein 1960–1970-ies. *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 2017, vol. 14, issue 3, pp. 341–349. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.304.

Статья поступила в редакцию 11 августа 2015 г.
Статья рекомендована в печать 29 апреля 2016 г.